

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ: ВЕКТОРЫ ИСТОРИИ

ПЕРСИДСКИЙ ВОПРОС В АНГЛО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ МОНАРХОВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)

И.С. Медведик
(Россия, г. Астрахань)

На рубеже XIX–XX вв. Персия была одним из тех регионов мира, где сосредоточились англо-российские противоречия. Противостояние определяли экономические, политические, стратегические соображения. Персидский вопрос постепенно выступал на первый план и становился одним из основных в англо-российских отношениях. От его решения во многом зависело то, каким будет соотношение сил на международной арене. Положение осложнялось растущей заинтересованностью третьих держав (Германии, Турции), а также социально-политической и национально-религиозной борьбой в Персии.

Разрешение противоречий зависело, в частности, от того, как стороны их воспринимали, как оценивали друг друга. Британия в те годы была конституционной монархией. Следовательно, нельзя недооценивать роль короны в решении международных проблем. С этой точки зрения научный интерес представляет анализ восприятия персидского вопроса в англо-российских отношениях британскими монархами, правившими в конце XIX – начале XX в.: королевой Викторией, Эдуардом VII и Георгом V.

В викторианскую эпоху и позже внешнеполитические полномочия короны были значительно ограничены, и все действия монарха должны были быть одобрены правительством. Именно это и определяло курс на международной арене. Однако Кабинет должен был заручиться согласием монарха на предполагаемые шаги. Четкого разграничения компетенции монарха и правительства во внешнеполитической сфере не существовало. «Большая «серая зона» разделяла то, что называлось «недолжным вмешательством», и то, что можно было считать «оправданным влиянием» со стороны монарха»¹. Этим корона и могла воспользоваться при желании и необходимости, советуя, критикуя или возражая против действий министров.

Монарх мог влиять на назначение премьер-министра и министра иностранных дел, в его руках оставался отбор и назначение дипломатических представителей и аккредитация послов иностранных государств. Он постоянно получал полную информацию о внешней политике, в частности, все правительственные и дипломатические документы, хранившиеся в так называемых «красных папках»: протоколы совещаний, меморандумы, донесения и т.д.

Большое значение для воздействия на мировую политику имела личная корреспонденция монархов. С ее помощью можно было неофициальным образом выразить свою точку зрения, продемонстрировать расположение, а также получить информацию по интересующим вопросам, узнать позицию политиков и высокопоставленных чиновников. Учитывая родственные связи британских монархов, личная переписка охватывала всю Европу. Для установления, укрепления или демонстрации дружеских отношений использовались официальные и неофициальные визиты. В ходе таких встреч возможен был обмен мнениями и выяснение позиций по определенным вопросам не только между главами государств, но и беседы с лицами, возглавляющими правительство, внешнеполитическое ведомство и т.д.

Итак, в руках короны и на рубеже XIX–XX вв. оставались инструменты влияния на внешнеполитический курс. Восприятие монархом международной ситуации, лич-

ное видение международной обстановки могло оказывать и оказывало воздействие на развитие международных отношений.

Королева Виктория всегда стремилась играть значимую роль во внешних делах. Она была конституционной монархиней, но отсутствие четкого разграничения полномочий позволяло ей воздействовать на внешнюю политику. Обязанность министров консультироваться с королевой не подвергалась сомнению. Особо тесные отношения у Виктории сложились с Солсбери в годы его премьерства и руководства Форин Офис. Обширная переписка, которую Виктория вела с европейскими дворами, представляла собой важный источник информации, а также была инструментом ее влияния. Она внимательно знакоилась с содержимым «красных папок», давала советы, делала критические замечания. Суждения Виктории часто бывали эмоциональны, но Солсбери, например, ценил их. «Время и опыт отточили ее ум, – пишет Стейнер – Премьер-министр находил, что ее точка зрения часто дает ему понятие о мыслях и чувствах большинства англичан»². Королева в большей степени интересовалась европейскими делами. Западное полушарие и Восток были вне сферы ее интересов.

В дневниках и письмах королевы Виктории записи, посвященные англо-российским отношениям, занимают небольшое место, тем не менее они демонстрируют ее озабоченность этой проблемой. Виктория пристально следила за тем, что происходило в России. В декабре 1881 г. в письме к одной из дочерей она заметила: «Состояние России настолько плохое, настолько прогнившее, что в любой момент может случиться что-то страшное»³.

Во второй половине 80-х гг. отношения между Англией и Россией были если не враждебными, то очень прохладными. Позицию королевы демонстрирует случай с частным визитом в Россию Р. Черчилля, друга принца Уэльского (наследника престола). Черчилль был сторонником сближения Англии и России и попытался использовать свою поездку для достижения данной цели в противовес правительственной внешнеполитической линии. В письме принцу, которое тот переслал королеве, Черчилль писал о своем визите в Гатчину, где он был принят Александром III. Сообщалось о желании российского монарха посетить Англию, повидаться с Викторией и лично обсудить российскую политику с Солсбери. По словам Черчилля, Александр упомянул, что в России есть сильная партия, желающая прочных дружеских отношений с Англией. Автор письма выразил твердую уверенность в стремлении российского монарха к налаживанию отношений с Англией: «У меня нет никаких сомнений относительно его горячего желания дружеских отношений с Англией... Я определенно считаю, что они не только не хотят войны, но и будут делать все, чтобы избежать ее»⁴. Во всех российских кругах, официальных и неофициальных, Черчилль заявил о полной идентичности интересов двух стран. По Европе поползли слухи о революционном перевороте в британской внешней политике. МИД и британским послам в европейских странах пришлось выступать с опровержениями. Виктория была чрезвычайно раздражена. В письмах сыну в январе-феврале 1888 г. она упрекала его за «высокое мнение о человеке, который лишен всяких принципов, который выдвигает самые опасные внешнеполитические доктрины, который является импульсивной и совершенно ненадежной личностью»⁵. В этих письмах она предельно ясно обозначила свое видение европейской политики: «... мы, к счастью, в самых хороших отношениях с Германией, Австрией и Италией, что, как ты хорошо знаешь, чрезвычайно важно и является единственным средством держать под контролем агрессивность России»⁶.

Спустя десятилетие ситуация изменилась. Умер Александр III. На российский престол взошел Николай II, женившийся на принцессе Алисе Гессен-Дармштадтской, любимой внучке королевы Виктории. Виктория, противившаяся этому браку, постепенно изменила свое отношение. В укреплении родственных связей она видела средство сближения с Россией, необходимость которого все более ощущалась к концу XIX в. Она, например, в письмах к Николаю II (Ники), жаловалась на враждебный тон российской прессы и просила принять меры. На это Николай заметил: «Я не могу запретить людям свободно высказывать свои мысли в печати»⁷.

Беседуя с императрицей-матерью, посетившей Англию в 1896 г. вместе с младшими детьми, Виктория выразила ей свою печаль по поводу охлаждения между двумя державами. «С тех пор, как умер Гирс, – заметила она в дневнике, описывая эту встречу, – Россия уже далеко не в таких дружеских отношениях с Англией». Виктория даже обратилась к императрице с просьбой поговорить об этом с молодым русским царем⁸.

Тогда же, в апреле 1896 г., в дневнике Виктории появилась запись о ее встрече с Солсбери, в ходе которой обсуждалось «неслыханное» поведение России (королева полагала, что та настраивает Францию против Англии): «Нет и одного разумного политика, который не хотел бы взаимопонимания с Россией; но у англичан есть предубеждения против нее, и, если она будет показывать себя такой недружественной, это создаст большие трудности правительству»⁹. В то же время в письме к Солсбери, она заметила, что неплохо бы «дать знать Германии, что мы не хотим ссориться с Россией»¹⁰.

Осенью 1896 г. Николай II и императрица Александра совершали путешествие по европейским странам, посетили и Англию. Сопровождавший их министр иностранных дел России Лобанов внезапно умер, что чрезвычайно обеспокоило Викторию, Солсбери и принца Уэльского, писавшего матери: «Внезапная смерть российского министра иностранных дел вызовет большие изменения в российской политике». Он предложил королеве постараться убедить царя назначить преемником Лобанова российского посла в Лондоне Стаала. «Абсолютно необходимо поддерживать лучшие отношения между Россией и Англией», – подчеркнул наследник. Однако, судя по переписке королевы Виктории с Солсбери, от этой идеи пришлось отказаться, несмотря на желание воздействовать на внешнюю политику России: «Любое вмешательство может стать известным и будет отвергнуто российскими властями»¹¹.

Николай и Александра провели несколько дней в Балморале. Казалось, Виктория счастлива: «Это было как сон, видеть дорогих Алекс и Ники здесь», – писала она в дневнике¹². Но и политические соображения не ушли на второй план. В Балморал приехал Солсбери. На его встречу с царем возлагались большие надежды. «Я был рад услышать, что в конце концов было решено, что Солсбери должен поехать в Балморал, – писал Мак-Доннелл, личный секретарь премьер-министра, личному секретарю королевы Виктории. – Было бы ужасно, если бы он не встретился с императором во время его визита»¹³.

Об этой встрече говорится в дневнике Виктории в записях от 28.09.1896: «Виделась с Солсбери, который имел долгий полуторачасовой разговор с Ники и был поражен его искренностью и желанием быть в наилучших отношениях с нами». Был затронут и вопрос о средневосточных делах, в частности об угрозе Индии (а это был один из стимулов борьбы Англии за влияние в Персии). Николай II «решительно отверг наличие какого-либо недружественного намерения по отношению к Индии»¹⁴.

Этой темы, наряду с другими внешнеполитическими вопросами, Виктория коснулась в личной беседе с молодым государем, когда он зашел к ней после обеда в один из дней. И вновь Николай II подтвердил: «Нет никаких причин опасаться разногласий относительно Индии, так как этот вопрос полностью решен»¹⁵. В ответ Виктория подчеркнула: «... так важно, чтобы Россия и Англия шли вместе... только тогда будет обеспечен мир... они самые влиятельные империи»¹⁶. Об этом же она писала Николаю II позже, в октябре 1896 г.: «Я (и лорд Солсбери) так хотим, чтобы мы, Россия и Англия, могли бы понять друг друга и быть в самых хороших отношениях друг с другом»¹⁷. Правда, эти пожелания сопровождались просьбами повлиять на Францию, постоянно «недружественную» по отношению к Англии. В последние годы жизни королеву все более беспокоил ее внук, германский император Вильгельм II. В письме Николаю II в начале 1899 г. она предостерегала: «Я опасаясь, что Вильгельм может высказать что-то против нас так же, как он это делает в отношении Вас в беседах с нами. ... Очень важно, чтобы мы понимали друг друга и чтобы этим недостойным и злонамеренным маневрам был положен конец»¹⁸.

Во время англо-бурской войны Виктория упоминала в дневнике о сообщениях Скотта, британского посла в России. Он докладывал о своих встречах с императором

и о его дружественном поведении. «Ники запретил предпринимать что-либо, усугубляющее наше и без того затруднительное нынешнее положение», – отмечала Виктория¹⁹. В то же время в переписке с Солсбери королева писала о «ненадежности» Скотта, так как считала, что он слишком полагается на уверения МИДа России и его главы Муравьева. Виктория надеялась на улучшение англо-российских отношений, однако оставалась настороже и продолжала не доверять России²⁰.

Персии и связанному с ней англо-российскому конфликту королева Виктория уделяла мало внимания. В июле 1889 г. персидский шах, совершая путешествие по Европе, посетил Англию. Это был его второй визит в данную страну. В это время противостояние Англии и России в Персии становилось все более явным. Однако записи Виктории о визите персидского гостя демонстрируют только вежливое равнодушие. Она подробным образом остановилась на таких мелких деталях, как красивый почерк шаха, которым он расписался в книге автографов, его лучшее знание французского языка по сравнению с предыдущим визитом в 1873 г. Королева нашла, что шах хорошо выглядел, хотя он постарел и пополнил. Упоминаний об обсуждении каких-либо серьезных проблем англо-персидских отношений как в дневнике Виктории, так и в ее переписке с министром иностранных дел в связи с визитом, нет. О существовании таких проблем свидетельствует лишь одна фраза: «За столом шах говорил о России, показав сильное недоверие к этой стране»²¹. Едва скрытое удовлетворение и отсутствие перечисления других тем разговора показывает понимание Викторией определенной значимости персидского вопроса. Об этом же свидетельствовало и то, что прием, устроенный принцем Уэльским в честь шаха 4 июля 1889 г., королева почтила своим в то время уже редким появлением на публике.

Еще раз королева обратилась к персидской теме в 1899 г., в переписке с Солсбери. Оба были обеспокоены положением Англии в Персии и не видели приемлемого способа укрепить британское влияние: «Единственное, что движет персами – подкуп и страх. Но мы не можем давать взятки, даже если бы у нас были деньги, и у нас нет солдат на персидской территории»²². Оба лукавили, так как именно в это время шла борьба с Россией за заем персидскому шаху. Но и Англия, и Россия делали вид, что это частная инициатива.

Итак, королева Виктория была озабочена состоянием англо-российских отношений, особенно по мере возрастания мощи Германии. Она пыталась оказывать влияние на российскую сторону. Однако королева не придавала особого значения конфликту в Персии, очевидно, считая его второстепенным и не слишком значимым для взаимодействия двух держав.

Преемнику королевы Виктории Эдуарду было уже 60 лет, когда он смог занять престол в 1901 г. До этого он не допускался к участию в государственных делах. Но принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, много путешествовал, поддерживал родственные связи с европейскими дворами и был в курсе внешнеполитических проблем. Историки считают, что он был прирожденным дипломатом, и его главные интересы лежали в сфере внешней политики²³. Он во многом унаследовал взгляды матери на международную политику, в то же время у него складывалось и собственное мнение о взаимоотношениях с другими державами. О степени его влияния на британский внешнеполитический курс в качестве монарха нет единого мнения среди современников и историков. Бальфур (премьер-министр в начале XX в.) писал Лэнсдауну (министру иностранных дел в то же время): «Неправда ли, что все годы, когда мы были министрами, король Эдуард не сделал ни одного предложения ни по одному из важных вопросов?»²⁴. Грей (глава Форин Офис) в своих воспоминаниях замечал: «Еще при жизни короля появилась, а затем широко распространилась легенда о том, что британская внешняя политика обязана инициативе Эдуарда VII и контролировалась им»²⁵.

Другое мнение высказал Сид, редактор «Таймс»: «Его понимание основ европейской политики было глубже, чем у любого государственного деятеля, которого я встречал. Оно основывалось на знаниях, приобретенных на собственном опыте и результатах собственных наблюдений. Ни один человек, и, конечно, ни один монарх последних лет не превосходил его в практической философии государственного

управления»²⁶. Ж. Луи, посол Франции в России, черпавший информацию из бесед с британскими дипломатами, положительно оценил роль короля в международной политике: «Он читал всю важнейшую часть дипломатической корреспонденции. Форин Офис посылал ему даже частные письма Николсона к Грею и к Гардингу. Он сам писал своим послам. Николсон показал мне письмо от него (маленькие странички в четвертинку листа, написанные ровным быстрым почерком, не особенно четким, но разборчивым). Король поздравлял его с удовлетворительным ведением переговоров о соглашении 1907 г. с Россией, с «триумфом британской дипломатии»... Письмо короля написано в дружеском и прямом тоне, без фамильярности»²⁷.

Историк Бишоп, признавая, что Эдуард VII считался королем с большим влиянием на внешнюю политику, отмечает: «Его действия санкционировались министрами. Это были действия посла, а не министра иностранных дел, они были дипломатическими, а не политическими по своей сущности»²⁸. Того же мнения придерживаются исследователи британской истории Кеннеди и Мангер, которые утверждают, что король никогда не демонстрировал понимания глубинных факторов, влияющих на внешнюю политику²⁹.

Позиция Эдуарда VII по отношению к России формировалась под воздействием самых разных, подчас противоречивых факторов и поэтому была амбивалентна. Но постепенно он становился твердым сторонником англо-российского сближения. Его детство и юность пришлись на те годы, когда Россия была безусловным врагом в восприятии англичан. Идеи Пальмерстона и Дизраэли детерминировали англо-российские отношения. Этому не могли помешать даже родственные связи с российской царствующей семьей. Враждебные отношения, во многом определяемые противоречиями на Востоке, не могли не повлиять на формирование внешнеполитических установок принца Уэльского. Но одновременно они стимулировали его интерес к России. Друзья принца (Р.Черчилль, Р. Морьер) придерживались другого мнения. Они пытались убедить наследника в необходимости разрешить спорные вопросы как в Европе, так и в Азии и пойти на сближение с Россией. И, хотя новые вспышки враждебности между двумя державами возрождали недоверие к России, влияние друзей не прошло даром. В 1866 г. принц убедил королеву отправить его в Россию на свадьбу сестры его жены с будущим императором Александром III. Уже тогда Эдуард собирался, хотя это и не удалось, обсудить возможность согласия между двумя странами. Во время визита в Петербург в 1881 г. была сделана попытка обсудить эту тему, но российская сторона интереса не проявила. К этому времени средневосточные противоречия оставались неразрешенными, а Персия становилась яблоком раздора³⁰.

В 1884–1902 гг. дипломатическим представителем России в Лондоне был барон де Стааль. Это была популярная в английском обществе личность. Он близко общался с принцем, пытался донести до него российскую точку зрения по спорным вопросам. Именно влиянию этого человека и воздействию друзей принца обязана своим появлением и укреплению установка принца на сближение с Россией. Необходимость ослабления напряженности в отношениях с Россией стала твердой. Однако в душе принца, как и в англо-российских отношениях, боролись две тенденции: понимание необходимости сближения и на этой основе стремление к нему, и, образно говоря, впитанная с молоком матери подозрительность и недоверие к России.

В декабре 1902 г., уже будучи королем, Эдуард писал Лэнсдауну в связи с назначением нового посла России в Англии Бенкендорфа и необходимостью информировать его о трудностях в англо-российских отношениях: «На самом деле я боюсь, что едва ли есть на свете страна, относительно которой у России и Англии одинаковые точки зрения, обе не доверяют друг другу... Россия, как и Германия, любит пугать, но, получив отпор, идет на попятную... Мы должны быть начеку и прежде всего проявить твердость, это единственный путь, я уверен». В том же письме он признавал: «...над нами сгущаются тучи, которые, я боюсь, будет нелегко разогнать»³¹.

Камнем преткновения в англо-российских отношениях был, наряду с другими спорными проблемами, персидский вопрос. Активно участвовать в его решении принцу Уэльскому пришлось еще в 70-х гг. XIX в., когда персидский шах Наср-эд-Дин отправился в европейское путешествие, начав его в России и включив Англию в

свою программу. Шах считал необходимым сохранять баланс между Россией и Англией в их притязаниях на его страну. По иронии судьбы именно в это время в Лондоне находился пятилетний царевич Николай, будущий Николай II. Так в начале 70-х гг. XIX в. в Лондоне встретились лица, представлявшие все три стороны англо-русского конфликта в Персии. Основная тяжесть обязанностей по приему шаха легла на плечи принца Уэльского. Для английского правительства было желательно, чтобы проявление британских дружеских чувств к Персии уравновешивало любые российские амбиции в этом вопросе. Это удалось. С. Ли, биограф Эдуарда VII, писал: «Принц предельно ясно дал понять, что его гостеприимство в отношении царской родни не ослабит его рвения в защиту британских интересов, когда они вступят в противоречие с интересами России»³².

Второй визит шаха состоялся в июле 1889 г. Решение персидского монарха включить Англию в программу турне по европейскому континенту приветствовалось английским правительством, особенно учитывая, что во время своего второго путешествия по Европе в 1878 г. шах отказался посетить Англию. В церемонии приема, план которой был составлен внешнеполитическим ведомством, принцу Уэльскому принадлежала главная роль. Его советником был Драммонд Вулф, один из его друзей, в свое время представленный ему Р. Черчиллем и быстро завоевавший его симпатии. В 1887 г. Вулф был назначен посланником в Тегеран, где близко познакомился с развитием англо-русского соперничества за влияние в Персии, с интригами при дворе шаха, с действиями российских дипломатов. Переписка с ним стала для принца важным источником информации по персидским делам.

Вулф разделял надежды своих друзей, принца и Черчилля, на достижение соглашения с Россией. Он составил план примирения двух соперников, с которым и прибыл в Лондон для подготовки визита шаха. Вулф много беседовал с принцем, обсуждая персидский вопрос. Ему легко удалось убедить собеседника, что желание шаха уступить и России, и Англии, поддерживая баланс между их притязаниями, дает подсказку к решению проблемы. Надо, по мнению Вулфа, разделить Персию на две сферы влияния – британскую и российскую³³.

Принц поддержал этот план и посоветовал Вулфу показать его царю. Для этого он снабдил друга рекомендательными письмами к Александру III и даже, встретившись с российским правителем на семейном торжестве во Фреденсберге, посоветовал ему принять посланника и поговорить с ним. Форин Офис остался в стороне. Солсбери выразил свое неудовольствие по этому поводу, хотя в целом план одобрил. Но умудренный опытом политик посчитал это мечтами, которые вряд ли осуществятся при жизни нынешнего поколения³⁴.

Встреча произошла в Берлине. План был изложен и благосклонно выслушан. Никаких конкретных действий не последовало, тем не менее принц, принявший активное участие во всех этих событиях, оказался во главе ведущих тенденций в дипломатии рубежа XIX–XX вв. «Зерна, посеянные Вулфом с одобрения Эдуарда, взошли в должное время»³⁵.

Став королем, Эдуард столкнулся с персидским вопросом сразу же после коронации. Его страну почтил визитом персидский шах Музаффар-ад-Дин, сын Наср-эд-Дина. Соперничество России и Великобритании в Персии продолжалось. Россия явно брала верх, и посещение персидским правителем Лондона было весьма кстати. Но британскому посланнику Гардингу пришлось долго уговаривать шаха отправиться в Англию. Тот согласился только после того, как посланник пообещал ему в награду орден Подвязки. Однако король не желал поступаться принципами и вручать христианский орден представителю другой религии, хотя его мать дважды шла на это ради решения международных проблем (орденом Подвязки были награждены турецкий султан и персидский шах Наср-эд-Дин). Кроме того, инициатива в данном случае исходила не от Эдуарда и действия посланника нарушали субординацию.

Король несколько раз сказал «нет» Лэнсдауну, сообщившему ему об обещании Гардинга. Форин Офис тем не менее отдал указание об изготовлении специального («нехристианского») варианта ордена. Король был в гневе. Шах был в глубокой обиде из-за промедлений с вручением ордена. «Если бы русские были хорошо информированы

рованы, – замечает историк Брук-Шеперд, – и успели бы подсунуть шаху новый договор, он бы немедленно подписал его»³⁶. Англия оказалась на грани политического кризиса. Лэнсдаун заявлял о возможной отставке, если орден, обещанный шаху, не будет ему вручен. Наконец к королю обратился премьер-министр Бальфур, объясняя, какую трудную и опасную игру вынуждена вести Англия в Персии против гораздо более сильной России.

Король оказался перед выбором: стоять на своем, сыграть на руку России и обречь страну на политический кризис или поступиться принципами во имя национальных интересов. Эдуард VII отступил, шах получил орден, отношения были налажены.

Это был характерный для эдвардианской Англии эпизод. «Британские ордена и медали были популярны и желаемы во всем мире, – пишет Брук-Шеперд. – Эдуард VII и его министры манипулировали ими как маленькими сверкающими драгоценностями инструментами внешней политики. Это было время, когда путь к договору или концессии был украшен орденскими лентами и звездами. Даже когда не имелась в виду конкретная политическая цель, это был дешевый и надежный способ купить чье-то расположение»³⁷.

Международная ситуация начала XX в. требовала сближения с Россией. Условия для этого складывались благоприятные. Давно вынашиваемая Эдуардом VII идея была близка к воплощению. Но на пути к ее реализации было еще много препятствий. Король принимал самое активное участие в их преодолении, руководствуясь при этом своим видением международных проблем, но находясь в тесном контакте с внешнеполитическим ведомством.

Весной 1904 г., вскоре после подписания англо-французского соглашения, король счел момент удачным для активизации англо-российского сближения. В апреле, находясь в Копенгагене, он встретился с российским послом в Дании А. Извольским для того, чтобы через него сообщить российскому правительству о своей готовности заключить с Россией соглашение, подобное англо-французскому. Он также выразил готовность способствовать разрешению кризиса на Дальнем Востоке (шла русско-японская война, а Англия была в союзнических отношениях с Японией). Извольский отправил подробное сообщение об этой беседе министру иностранных дел России Ламздорфу. Эдуард VII одобрил это послание. Копию он оставил себе, показав ее только Лэнсдауну и дав указание ознакомить с ней премьер-министра. В то же время он уведомил французского посла в Лондоне о возможности англо-русского сближения³⁸.

Через несколько дней король принял в Лондоне российского посла Бенкендорфа, побеседовав с ним на ту же тему. Однако Лэнсдаун, с которым вскоре встретился Бенкендорф, заявил, что момент для переговоров неподходящий³⁹. Казалось, что устремления короля вступили в противоречие с планами МИДа. Оценка этих событий различаются в работах отечественных историков. А. Гальперин считает, что Эдуард VII действовал самостоятельно. Б. Ананьич полагает, что никаких разногласий не было. Демарш короля был тщательно спланирован. Это была попытка подготовить почву для вмешательства в вопросы послевоенного устройства. Скорее всего так и было, и именно так это воспринял Николай II, который выразил неудовольствие в письме к «дядюшке Берти»⁴⁰.

Так или иначе, но сближения не произошло, хотя и было сказано много приятных слов. Уже через несколько месяцев Эдуард VII предпринял еще одну попытку. Он был приглашен на крестины Алексея, наследника российского престола, но не смог поехать и направил в Россию своего представителя принца Луи Баттенбергского. Ему было поручено передать личное послание короля Николаю II. В письме содержалась просьба обсудить с доверенным лицом короля все важнейшие проблемы англо-российских отношений. Однако такого обсуждения не произошло⁴¹.

Инициативы Эдуарда VII в 1904 г. не принесли явных результатов. Сближению не способствовала ни продолжающаяся война, ни общая международная ситуация, ни подготовка России к переговорам с Персией о займе, а возможно, и о союзе. Тем не менее об их значении свидетельствует, например, тот факт, что в Германии эти инициативы не были обойдены вниманием и вызвали тревогу. Германский военный атташе сообщал из Лондона: «Нет сомнений, что король очень сильно влияет на фор-

мирование анти-германских чувств... Следующий шаг – союз с Россией, что оставит Германию совершенно изолированной»⁴².

Благоприятная ситуация для англо-российского соглашения возникла позже, и оно было подписано в августе 1907 г. Об участии короля в этом процессе историк Брук-Шеперд пишет: «Будучи информированным и постоянно одобряя и ободряя обе стороны, король не принимал активного участия в переговорах... Это была кропотливая работа для профессионалов, и король был рад предоставить им делать свое дело»⁴³. Свою задачу король выполнял успешно: на самом высоком уровне демонстрировал желание прекратить противоборство и разрешить спорные проблемы на Среднем Востоке и, в частности, в Персии. Кроме того, его продолжали волновать возможные препятствия на пути к соглашению, например, сопротивление вице-короля Индии и командующего вооруженными силами. Так, в сентябре 1906 г. он направил Грею телеграмму, в которой выразил надежду, что «исчерпывающие объяснения будут даны в ответ на аргументы правительства Индии, и они будут убедительны»⁴⁴.

Следующий шаг к сближению с Россией был сделан в 1908 г. В июне 1908 г. в Ревеле состоялась встреча Эдуарда VII и Николая II. Эта поездка короля планировалась еще в 1906 г. Однако она была им отложена из-за событий в России, несмотря на настойчивые советы Грея осуществить ее. Состав делегации был красноречив. Короля, наряду с супругой королевой Александрой, сопровождал Гардинг, представлявший Форин Офис, Френч (главный инспектор британской армии) и Фишер (первый лорд адмиралтейства). Это был первый государственный визит британского монарха в Россию. Он был вызван не только необходимостью выполнить дипломатические формальности (после визита Николая II в Лондон наступила очередь Эдуарда VII), но и политическими потребностями. Следовало подать знак, свидетельствующий об установлении дружбы между двумя державами. «В целом, основа Тройственного согласия между Англией, Францией и Россией была создана, но цемент, скрепляющий всю конструкцию, был местами все еще влажным, а многие кирпичи еще шатались»⁴⁵.

Король не только участвовал в официальных церемониях, но и обсудил внешнеполитические проблемы, в частности, вопросы, связанные с соглашением относительно Персии, со Столыпиным и Извольским (премьер-министром и министром иностранных дел России)⁴⁶. Цель визита была достигнута. Он нейтрализовал некоторый нежелательный (с точки зрения Англии) поворот России в сторону Германии после переговоров российского и германского императоров в Бьерке. В свою очередь впечатленье, произведенное им в Европе, было несколько нейтрализовано визитом Эдуарда VII в Берлин в следующем году. Тем не менее встреча в Ревеле обозначила изменения в предвоенной дипломатии и послужила примером личного вклада Эдуарда VII в международную политику.

Деятельность Эдуарда VII по разрешению конфликта в Персии, соответствуя его собственному видению международных проблем и внешнеполитическому курсу Форин Офис, требовала от него мужества. Ему приходилось идти против общественного мнения в своей собственной стране. Английская общественность в целом была против англо-российского сближения. Атаки противников примирения усиливались по мере активизации России в Персии. Так, свидание в Ревеле подверглось осуждению в парламенте. Грею пришлось оправдывать короля, а тот отплатил противникам, лишив их приглашения на прием⁴⁷. С нападками на короля обрушилась и зарубежная, в частности германская, пресса. Прежде его представляли шлейбодом, путешествующим в поисках приключений. Энергичная внешнеполитическая деятельность привела к тому, что его стали называть хитрым интриганом, тайно плетущим сети, чтобы задуть Германию.

Историки отмечают, что «влияние Эдуарда VII на внешнюю политику настолько упало по сравнению с влиянием его матери, насколько оно превосходило влияние его сына»⁴⁸. Вопреки этой, впрочем, вполне справедливой оценке, в истории англо-российского конфликта в Персии Эдуард сыграл гораздо более важную роль, чем его мать. Еще в бытность наследником престола он осознал то, насколько важно было для Англии сблизиться с Россией, и то, что для этого необходимо разрешить конфликт в Персии. В этом направлении он и действовал. Грей писал о короле: «Я про-

должил политику, с которой Эдуард был уже знаком и которой он симпатизировал. Мне думается, что он прошел тот же путь, что и все мы: от нежелания зависеть от Германии к нежеланию постоянных ссор с Францией и Россией»⁴⁹.

В отношении Георга V историки единодушны в том, что он не был выдающимся деятелем во внешнеполитической сфере. «Георг V не интересовался внешней политикой и не обладал ни политической интуицией своей бабки, ни дипломатическими талантами отца», – отмечает Бишоп⁵⁰. «Георг V ... весьма мудро даже не пытался играть главную роль в формировании британской предвоенной внешней политики», – замечает Кеннеди⁵¹. По указанию отца наследник ознакомился с важнейшими документами, поступавшими из Форин Офис. Взойдя на престол, он продолжал много работать с депешами и докладами дипломатов, поддерживал постоянные связи с чиновниками министерства иностранных дел. Вскоре он уже детально знал внешнеполитические проблемы, а на его мудрость и осмотрительность можно было положиться. Перед войной роль британского суверена во внешней политике, по признанию исследователей, несколько выходила за рамки церемониальной и символической⁵².

Начало правления Георга V пришлось на предвоенные годы. Англо-российский конфликт в Персии был еще далек от разрешения, несмотря на соглашение 1907 г. Кроме того, произошло несколько кризисов. Именно неразрешенность персидского вопроса во многом препятствовала наметившемуся англо-российскому примирению. В этих обстоятельствах британский монарх сыграл роль модератора, пытавшегося смягчить напряжение, временами возникавшее в англо-российских отношениях. Неизвестно, имел ли он самостоятельную точку зрения, отличную от позиции Форин Офис. Свидетельств этому нет. Очевидно, свою миссию он видел в содействии внешнеполитическому ведомству в обеспечении национальных интересов Великобритании. Одной из задач было сближение с Россией. А для этого надо было разрешить противоречия, сохранявшиеся в Персии, или, по крайней мере, смягчить их. На это и были направлены усилия Георга V.

Сразу после восшествия на престол Георг V столкнулся с осложнениями, связанными с Потсдамским соглашением России и Германии. Особые опасения британских властей вызвал вопрос о железнодорожном строительстве. Для Германии появилась возможность обеспечить прямую железнодорожную линию из Берлина через Константинополь и Багдад на территорию Персии, а оттуда к индийским границам. В ситуации уже фактически существующей Антанты сосредоточение персидской части дороги в руках России англичанам представлялось более безопасным. Король заявил российскому послу Бенкендорфу: «Контроль России будет безопасностью для Англии, а контроль Германии – опасностью»⁵³. Война сняла эти вопросы с повестки дня.

В конце 1911–1912 гг. англо-российские отношения переживали кризис. В Персии шла революция. Россия ввела войска в северную часть страны, усилив свои позиции. Англия усмотрела в этом ущерб своим интересам. Осенью 1912 г. британский монарх предпринял попытку смягчить сложившуюся напряженность. Он пригласил министра иностранных дел России Сазонова, совершавшего турне по европейским столицам, провести несколько дней в замке Балморал. Одновременно приглашение было направлено Грею. Король полагал, что в тихой и спокойной обстановке можно будет обсудить все спорные вопросы. Эта затея удалась, но вызвала большой шум и критику как в иностранной, так и в британской прессе.

В конце сентября 1912 г. Георг писал матери, королеве Александре: «Конечно, газеты уже пишут разного рода чепуху о встрече. Я думал, что было бы легче и приятнее, если они все приедут сюда и обсудят все спокойно»⁵³. Король был доволен результатами переговоров: «В любом случае разговор был более чем удовлетворительным и самым дружеским; они оба честные и прямые люди и сразу сказали, что можно сделать и что нельзя. Этот визит, я уверен, много сделает для устранения непонимания»⁵⁴.

Встреча вызвала неоднозначную реакцию в Англии. Те, кто поддерживал англо-российское сближение, высоко оценили это событие. Русофобы воспользовались поводом еще раз выдвинуть обвинения против России. Демонстрации протеста достигли такого размаха, что Николсон, в то время высокопоставленный чиновник Форин

Офис, обратился к королю с просьбой написать личное письмо Николаю II с выражением теплых чувств, чтобы хоть немного сгладить неловкость⁵⁵.

Георг V выполнил просьбу. Его письмо Николаю II изобилует хвалебными отзывами Сазонову. В письме высоко оцениваются результаты визита и выражается горячее желание дружбы с Россией: «Ты знаешь, какую важность я придаю поддержанию самых дружеских отношений между нашими странами... визит в Англию много сделал для упрочения тех отношений, поддерживать и укреплять которые ты, как я знаю, стремишься всей душой, так же, как и я»⁵⁶.

Король полагал, что именно с помощью подобных личных встреч можно разрешить многие недоразумения, тем более когда дело находится в руках таких похожих друг на друга, прямых и честных политиков, какими были, по его мнению, Грей и Сазонов. «Искреннее обсуждение и прояснение любого недопонимания между нашими странами возможно только с помощью двух таких схожих по натуре государственных деятелей... Я рад сказать, что результаты этих переговоров были более чем успешны»⁵⁷.

Действия русофобов Георг постарался сгладить утверждением об отсутствии разногласий по вопросам внешней политики и, в частности, в отношении англо-российского примирения. Он писал: «Среди тех, кто был здесь – лидер оппозиции, что было, я думаю, счастливым совпадением; я рад сказать, что в отношении внешней политики оппозиция в полном согласии с правительством, чей единственный противник – небольшая и незначительная группа радикалов»⁵⁸. Желаемое выдавалось за действительное. Оппозиция англо-российскому сближению была в самой правящей либеральной партии и наносила чувствительные уколы, заставляя оправдываться.

В мае 1913 г. кузены и, как свидетельствуют современники, очень похожие друг на друга монархи, «почти двойники», встретились в Берлине на семейном мероприятии – свадьбе дочери Вильгельма II⁵⁹. Это были частные визиты. Британский монарх был рад этому случаю и использовал его для долгой беседы, в которой были затронуты внешнеполитические вопросы. Он остался очень доволен⁶⁰.

Но скоро ему пришлось снова вмешаться в англо-российские отношения. В июне 1914 г. во время обострения персидского конфликта он был вынужден направить Николаю II личное письмо. В послании Георг призывал царя удерживать свое правительство от таких действий в Персии, которые могли бы создать препятствия для англо-российского взаимодействия⁶¹. Июльский кризис сплотил Антанту и отодвинул внутренние противоречия на второй план.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы.

1. Несмотря на значительные ограничения власти короны, в ее руках оставались средства влияния на внешнюю политику.

2. На смену понятию «династические интересы» приходит понятие «национальные интересы». Ими и руководствуются монархи, подчиняя свою деятельность внешнеполитической линии, разработанной Форин Офис.

3. Все монархи, чье правление пришлось на конец XIX – начало XX в. (королева Виктория, Эдуард VII, Георг V) в той или иной степени склонялись к необходимости сближения с Россией.

4. Англо-российский конфликт в Персии не представлялся значимым для королевы Виктории. В годы ее правления Персия и влияние России в этой стране интересовали англичан больше с точки зрения безопасности Индии. Понимание значимости Персии постепенно приходит на рубеже веков.

5. В отличие от королевы Виктории ее преемникам Россия не представлялась абсолютным врагом. Но чувство недоверия и настороженности по отношению к этой стране, казалось, передавалось по наследству.

6. Значимость конфликта в Персии и необходимость его разрешения была осознана Эдуардом VII еще в бытность наследником престола. Его инициативы, направленные на решение персидского вопроса, хотя и не приносили сразу конкретных результатов, но, совпав с линией Форин Офис, способствовали урегулированию отношений с Россией в данном регионе.

7. Усилия Георга V были сконцентрированы на смягчении англо-русских противоречий, продолжавших возникать в Персии, ради достижения одной из главных целей предвоенной британской дипломатии – сближения с Россией.

- ¹ *Kennedy P.* The Reality behind Diplomacy. L., 1989. P. 66.
- ² *Steiner Z.* The Foreign Office and Foreign Policy. Cambridge, 1969. P. 200.
- ³ *Queen Victoria* in Her Letters and Journals. L., 1984. P. 318.
- ⁴ *The Letters of Queen Victoria.* The 3-d Series. V. 1. L., 1930. P. 368–369.
- ⁵ Цит. по: *Lee S.* King Edward VII. V. 1. L., 1925. P. 684.
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Письма* Николая II королеве Виктории. 22.05.1895 // Исторический архив. 1995. № 1. С. 187–202.
- ⁸ *The Letters...* V. 3. L., 1932. P. 39.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Ibid.* P. 43.
- ¹¹ *Ibid.* P. 72–73.
- ¹² *Ibid.* P. 79.
- ¹³ *Ibid.* P. 75.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 84.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 87.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 88.
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ Цит. по: *Weinraub S.* Victoria. L., 1987. P. 599.
- ¹⁹ *The Letters...* V. 3. L., 1932. P. 461.
- ²⁰ *Ibid.* P. 393.
- ²¹ *The Letters...* V. 1. L., 1930. P. 507, 519.
- ²² *The Letters...* V. 3. L., 1932. P. 393.
- ²³ *Bishop D.* Op. cit. P. 42
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Grey E.* Twenty Five Years. V. 1. P. 197.
- ²⁶ *Steed H.W.* Through Thirty Years. N.Y., 1925. P. 125.
- ²⁷ *Луи Ж.* Записки посла. М., 1925. С. 26.
- ²⁸ *Bishop D.* Op. cit. P. 42.
- ²⁹ *Kennedy P.* Op. cit. P. 68.; *Monger G.W.* The End of Isolation. L., 1963. P. 262–263.
- ³⁰ *Монархи Европы.* М., 1997. С. 90; *Lee S.* King Edward VII. N.Y., 1925–1926. V. 1. P. 680–681.
- ³¹ *Lee S.* Op. cit. V. 2. P. 280.
- ³² *Ibid.* P. 278–279.
- ³³ *Ibid.* V. 1. P. 686.
- ³⁴ *Ibid.* P. 687; *Churchill R.P.* The Anglo-Russian Convention of 1907. Iowa, 1939. P. 12.
- ³⁵ *Lee S.* Op. cit. P. 688.
- ³⁶ *Brook-Shepherd G.* Uncle of Europe. L., 1975. P. 120.
- ³⁷ *Ibid.* P. 118.
- ³⁸ *Ананьич Б.В.* Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961. С. 261; *Гальперин А.* Англо-японский союз. М., 1947. С. 206–207; *Churchill R.P.* Op. cit. P. 64.
- ³⁹ *Ананьич Б.В.* Англия и Россия в Персии накануне соглашения 1907 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1961. С. 259; *British Documents on the Origins of the War.* L., 1927. V. 4. № 183.
- ⁴⁰ Там же. С. 262; *Гальперин А.* Указ. соч. С. 206–207; *Lee S.* Op. cit. V. 2. P. 288.
- ⁴¹ *Lee S.* Op. cit. V. 2. P. 300.
- ⁴² Цит. по: *Lee S.* Op. cit. V. 2. P. 305.
- ⁴³ *Brook-Shepherd G.* Op. cit. P. 324.
- ⁴⁴ Цит. по: *Lee S.* Op. cit. V. 2. P. 569.
- ⁴⁵ *Brook-Shepherd G.* Op. cit. P. 324.
- ⁴⁶ *Grey E.* Op. cit. P. 202–207.

⁴⁷ *Brook-Shepherd G.* Op. cit. P. 324.

⁴⁸ *Bishop D.* Op. cit. P. 43.

⁴⁹ *Grey E.* Op. cit. P. 199.

⁵⁰ *Bishop D.* Op. cit. P. 43.

⁵¹ *Kennedy P.* Op. cit. P. 68.

⁵² *Steiner Z.* Op. cit. P. 207.

⁵³ *Nicolson H.* King George the 5th. His Life and Reign. L., 1952. P. 216.

⁵⁴ Цит. по: *Nicolson H.* Op. cit. P. 204.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Steiner Z.* Op. cit. P. 133.

⁵⁷ Цит. по: *Nicolson H.* Op. cit. P. 205.

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Ibid.*

БАЛАНС ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ВО ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛЕ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА

А.Л. Рябцев
(Россия, г. Астрахань)

К середине XVII в. мировая торговля представляла в определенном отношении единую систему, центром которой была Европа. Еще в XVI в., когда географические рамки торговых операций европейцев распространились на все заселенные континенты, это означало рост потребности в драгоценных металлах как средстве для международных расчетов. Но в торговле Европы с Азией существовал отрицательный баланс.

Европа, развиваясь более динамично, обладала большей потребительской способностью, жители Азии были более консервативны в своих привычках и практически не нуждались в европейских товарах. Это приводило к постоянному оттоку драгоценных металлов с Запада на Восток. Но Европа имела значительный ресурс в драгоценных металлах. Основной поток серебра поступал из испанских колоний в Америке, золото в XVII в. поступало из Африки (благодаря неэквивалентной торговле с местными племенами) и отчасти из Испанской Америки. Только с начала XVIII в. в Европу начинает поступать открытое бразильское золото. Существенная часть поступавшего в Европу серебра переправлялась на Восток. Основными полюсами притяжения мировых запасов валютных металлов были Индия и Китай, где золото и оседало.

XVIII столетие было веком торговли. Но и в этот период торговля европейцев со странами Азии имела пассивный баланс. Для подражания товарам из Азии – хлопчатобумажным тканям, китайскому и японскому фарфору – были созданы мануфактуры в Голландии, Германии, Англии, а затем и в России. Главным европейским перевалочным пунктом в заморской торговле стал Лондон.

В XVI–XVII вв. Россия участвовала в мировой торговле в ограниченных размерах вследствие оторванности от важнейших мировых торговых путей, отсутствия торгового флота, слабой товарности ее народного хозяйства, а так же сознательной политики правительства, стремившегося поставить внешнюю торговлю в узкие рамки потребностей казны в импортных и драгоценных металлах. Российские купцы появлялись на европейских рынках редко, обмен русских и зарубежных товаров происходил главным образом в пограничных русских городах и часто носил натуральный характер². Отечественная добыча драгоценных металлов отсутствовала. За 353 года, с 1493 по 1745 гг., Европа поглотила огромную массу серебра – около 78469 т. На долю России по приблизительной оценке приходилось лишь 5 % этой массы³.

В XVIII в. Россия активно включается в европейскую систему международных отношений. Начинается период геополитических войн, которые обеспечили России возможность выхода к Балтийскому и Черному морям. На Каспийском море Петр I